

самое время!

Автор благодарит
Наталью Кулагину, которая вдохновила на
написание
этой книги и помогла исправить ошибки;
Игоря Мытько, который был против написания
этой
книги, но тоже помог исправить ошибки.

Часть 1.
БОЙ С ТЕНЬЮ

*Могущество, когда, когда
Соединишь ты с властью разум?*

Гёте, «Фауст»

*«Была в начале Сила».
Вот в чём суть.*

Гёте, «Фауст»

1

Емельян Павлович Леденцов вполуха слушал посетителя, поддакивал ему и размышлял о том, что произойдёт в будущем. Будущее Леденцов представлял совершенно точно.

Через четыре минуты говорливый прожектёр будет выдворен из кабинета (с максимальной вежливостью).

Через пять Емельян Павлович вызовет к себе секретаршу Оленьку и три минуты будет делать ей выволочку за утерянную бдительность.

На четвёртой минуте он произнесёт: «Оля, как же так? Вы же так хорошо умели отправлять подальше неправильных посетителей!», после чего бедная девочка разрыдается и признается в тайной беременности. Когда секретарша перестаёт ловить мышей, это верный признак — к гинекологу не ходи.

Через неделю...

Вдруг до Леденцова дошло, что он кивает и поддакивает откровенному бреду.

— Обнажённые девицы совокупаются со звероящерами, и всё это показывает башкирское телевидение.

— Погодите! — Емельян Павлович похлопал глазами, чтобы очнуться. — При чём тут башкирское телевидение? Где мы, а где они? И девицы со звероящерами... что делают?!

— Совокупаются. Да не волнуйтесь вы. И секретаршу вызывать не нужно, а тем более не стоит её выгонять. Она хорошо держалась. Полтора часа рассказывала мне сказки про ваше отсутствие.

— Но звероящеры...

— Это я так, чтобы вы начали меня слушать.

— Я вас слушал, это очень интересное предложение...

— Стоп-стоп-стоп! — посетитель помахал перед носом Леденцова рукой. — У вас глаза стекленеть начинают. Какое предложение? О чём вы говорите?

— Ваше предложение. Изложенное на бумаге.

Посетитель молча кивнул на листы, лежащие перед носом Леденцова. Они оказались девственно чистыми,

только немного помятыми. Емельян Павлович повертел их в руках, заглянул на оборот некоторых страниц и протянул руку к селектору.

— К чему так напрягаться? — спросил посетитель. — Вы же можете выставить меня отсюда одной только силой желания.

Рука замерла на подлёте к селектору.

— Попробуйте вспомнить своё прошлое, — посетитель подался вперёд. — Думаю, вы обнаружите в нём несколько таких случаев.

— Каких случаев? — спросил Емельян Павлович и сразу понял, на что намекает этот странный тип.

— Когда что-либо делалось исключительно по вашему хотению.

— По щучьему велению, — машинально добавил Леденцов.

— Что?

— Ничего.

Емельян Павлович не стал уточнять, что повторил любимую бабушкину присказку. Она часто поддразнивала внука. Ведь, действительно, были у него в жизни моменты. Пирс на водохранилище, который обрушился через четверть секунды после фразы пятнадцатилетнего Емели: «Сейчас мост упадёт». И потом, после армии, случай с Андрюхой Мартовым, поэтом и наркоманом. Он так достал Леденцова своими проблемами, что однажды тот подумал в отчаянии: «Чтоб ты сдох!». Андрюха умер в тот же вечер. От передозировки...

— Я всё равно не понимаю, что вам нужно, — сказал Леденцов. — Э-э-э... простите, не расслышал вашего имени-отчества.

— О! У меня очень сложное имя-отчество, немудрёно запомнить. Иван Иванович.

— И?

— И мне нужно от вас всего ничего, — посетитель откинулся в кресле. — Спасти Вселенную от разрушения одним мерзавцем.

«Ещё и сумасшедший, — подумал Емельян Павлович. — Ольгу выгоню без декретных. Пусть потом на меня в суд подаёт».

Катенька шла по городу, злилась на себя и гадала по автомобильным номерам.

Ходить по городу она просто любила.

Злиться на себя Катенька научилась давно, ещё в детстве. Как только она чуть-чуть добрела к себе, окружающий мир отвешивал ей отрезвляющую затрепину и возвращал в состояние холодной ненависти к собственной персоне.

Гадать по автомобильным номерам её обучил один из давних «парней» — слова «бойфренд» ещё не знали тогда в её родном городе. «Парень» был сущим мальчишкой, первокурсником матфака. Он носил чёрные прямоугольные очки и верил в магию цифр.

— В числах, — говорил он, — заключена гармония мира. Все числа взаимосвязаны друг с другом. Вот, например, автомобильные номера. Они четырёхзначные. Первые две цифры всегда отображаются во вторые две.

— Ой, какие мы умные! — смеялась Катенька. — Тебе самому не скучно себя слушать?

— Нет. Вон поехали «Жигули». Номер 12-18. Единица в степени два даёт единицу. И единица в степени восемь даёт единицу. Гармония!

— А вон мотоцикл, — Катеньке хотелось выиграть в эту новую игру, хотя в правилах она пока не очень разбиралась, — с номером 27-94. Никакой связи!

— Ошибаешься. Два минус семь дают минус пять. Девять минус четыре тоже пять, хотя и с плюсом.

Они играли в числа на интерес целыми днями. Катеньке очень редко удавалось загнать студента в ловушку — он ловко использовал арифметические действия, корни со степенями и даже логарифмы. Скоро она научилась манипулировать цифрами автомобильных номеров, но придала этому занятию совсем другой смысл. Катенька по номерам гадала. Она загадывала желание и смотрела на проезжающую машину. Если номер сходился, то и желание должно исполниться. Как назло, в ту весну ей попадались совершенно негармоничные сочетания цифр: 62-00, 07-28 или 33-35. Наверное, из-за этого её главное желание в прямоугольных очках завалило сессию и ушло в армию. Кажется, даже во флот.

С тех пор Катенька забросила магию чисел, но сегодня впервые за долгие годы вернулась к ненадёжной ворожке по номерам проезжающих машин. Она очень хотела, чтобы её нынешний мужчина со вкусной фамилией Леденцов не бросил её. Катенька имела огромный отрицательный опыт и научилась предчувствовать разрыв так же точно, как аквариумные рыбки в Японии чувствуют надвигающееся землетрясение.

Леденцова она терять не хотела ни за какие коврижки. Впервые ей попался серьёзный, основательный мужчина. Он относился к ней нежно и уважительно, снял квартиру, дарил дорогие вещи. Да что вещи? Леденцов обладал редчайшим мужским талантом — он принимал за Катеньку решения. Часто поперёк её воли и настроения. Катенька бесилась, устраивала истерики, но когда решения реализовывались (то есть всегда), понимала, что именно этого она втайне и хотела.

Палыч не был мужчиной её мечты, он был мужчиной её судьбы. Он являлся единственным человеком во Вселенной, рядом с которым Катенька могла совершать всякие глупости и безрассудства. Она могла даже не злиться на себя, потому что мир в присутствии Леденцова не щёлкал её по носу, не подставлял подножек, не давал тумаков. Катеньке очень нужен был именно этот мужчина. Не такой — Леденец был единственным таким, — а этот.

«Если следующий номер на той “Волге”, — думала Катенька, — сойдётся, то всё у нас будет хорошо».

Номер оказался 38-02. Катенька остановилась и обхватила руками плечи. Она скребла коготками по ветровке и пыталась, пыталась, пыталась как-нибудь выстроить проклятые цифры.

Емельян Павлович не стал спорить с посетителем. Он никогда и ни с кем не спорил.

«Ай, как нехорошо, — подумал Леденцов, — придётся силу применять к больному».

— Вы считаете меня сумасшедшим, — сказал Иван Иванович. — Это нормальная реакция разумного человека на слова «спасти Вселенную». Вам нужны доказательства, причём от лица, которому вы доверяете.

— Вы совершенно правы. Будьте любезны, подготовьте их в письменной форме и передайте моему секретарю. А сейчас...

— А сейчас вы это доказательство и получите. В устной, но весьма убедительной форме.

«Придётся выгонять, — огорчился Емельян Павлович, — ну, Ольга!».

Сию же секунду дверь кабинета распахнулась, и в проёме возникла крашенная головка верной секретарши.

— Вызывали, Емельян Павлович?

— Вот! — воскликнул ненормальный посетитель и хлопнул в ладоши. — Вот вам и доказательство!

Если Ольга и была беременна, то на самом раннем сроке. Среагировала она быстро и адекватно.

— Емельян Павлович, у вас через пятнадцать минут встреча с главой районной администрации.

— Спасибо, — Леденцов поднялся над столом и протянул Ивану Ивановичу руку, — меня очень заинтересовало ваше... сообщение. Значит, договорились: вы готовите обоснование...

Иван Иванович руку принял с радостью и стал её трясти, как кастаньету.

— Какое ещё обоснование вам нужно? Только что вы подумали о своём секретаре — и она немедленно появилась!

Ольга продемонстрировала умение сжимать губы в тонкую, как волос, полоску и двинулась на зарвавшегося посетителя.

— Всё-всё! — тот явно не собирался упорствовать. — Через минуту меня здесь не будет! Только один вопрос, Емельян Павлович: часто ли сия очаровательная хранительница приёмной (поклон в сторону Ольги) врывается в ваш кабинет без приглашения?

Когда дверь за назойливым Иваном Ивановичем

закрылась, Леденцов подошёл к окну и распахнул его пошире. Была ещё не совсем весна, но он любил холод и свежесть, поэтому раму закрывал только в приёмные часы, а работать предпочитал в прохладе. Никакого главы администрации, конечно, не предполагалось, так что Емельян Павлович имел возможность выстудить помещение так, как ему нравилось.

«Надо Олю поблагодарить, — подумал Леденцов, — здорово она меня выручила. Если бы не вошла, пришлось бы самому этого типа вышвыривать».

На зов селектора секретарша явилась багровая от ярости.

— Что такое? — спросил Емельян Павлович. — Кто-то попытался приставать в служебное время?

— Да этот ваш... Он вообще хам! Знаете, что он заявил напоследок? «Милая девушка! Воздержитесь от секса в ближайшее время, а то ваш шеф обеспечит вам беременность!».

Отношения Емельяна Павловича и Ольги никогда не переходили рамки служебных, чем секретарша всегда гордилась, а Леденцов никогда не тяготился.

— Не переживайте вы так, — сказал он, — это обычный сумасшедший. Вселенную предлагал спасти. Полный отморозок.

— Я тоже хороша, — Оля потихоньку меняла окраску на нежно-розовую, — надо было его сразу подальше отправить. Но он таким убедительным показался. Извините.

— Ничего. И на молодуху бывает проруха.

Секретарша заулыбалась практически безмятежно. Она ценила незамысловатые каламбуры начальника.

— Зато потом, — сказал Емельян Павлович, — вы очень вовремя появились.

— Так вы же позвали.

— Я?

— Конечно! Я ещё удивилась, почему не по селектору, а...

Тут Ольга запнулась и подняла глаза к потолку, пытаясь обнаружить там нужную информацию.

— Вслух? — пришёл на помощь Леденцов.

— Да... кажется.

«Похоже, — подумал Емельян Павлович, — парень из экстрасенсов. Или гипнотизёров».

— Селектор забарахлил, — пояснил он. — Пришлось

повысить голос. Кстати, вызовите ремонтников.

Секретарша облегчённо чиркнула в блокноте.

— Значит, — спросила она скорее утвердительно, — бумаги этого психа можно выкинуть?

— Какие ещё бумаги?

— Он визитку оставил. И пачку чистой бумаги. Там только на первом листе немного написано. Я на черновики возьму, хорошо?

Леденцов — и сам точно не знал почему — попросил:

— А принесите-ка этот лист мне, хорошо?

На странице формата А4 было выведено каллиграфическим почерком:

«Пожелания — Выполнение».

И ниже:

«Мысленное обращение к секретарю — Появление секретаря в кабинете».

И ещё ниже:

«Не хотите ли продолжить список, уважаемый Мастер?».

Сначала Емельян Павлович хотел просто выбросить листок, но персональный чёрт толкнул его под правую руку, и она сама написала: «Сказал про пирс — Пирс обвалился». А потом ещё «Нужны были деньги на такси — Нашёл трёшку (зелёную!) в траве».

Это напоминало логическую игру на ассоциативное мышление. Леденцов незаметно для себя втянулся и несколько часов потратил на то, чтобы восстановить все странные случаи «сбычи мечт» в его жизни. Делал он это, разумеется, не на бумаге, а на компьютере, в электронной таблице. Так было удобнее сортировать события по дате.

Некоторые желания отличались масштабностью и затрагивали интересы многих людей. Например, армейская служба Емели проходила в родном городе, хотя команда из четырёх сотен бритых пацанов должна была отправиться в Электросталь. Леденцову не захотелось уезжать — и остались все четыре сотни. С некоторым удовлетворением и даже гордостью вписывал Емельян Павлович дела амурные. Женщин было в его жизни довольно много, но ни одна из них не доставила ему хлопот: не забеременела, не женила на себе, не заразила какой-нибудь дрянью.

Леденцов откинулся в кресле, вспомнил несколько приятных эпизодов и по-кошачьи потянулся. Облизнулся и перешёл к воспоминаниям о бизнесе.

Бизнес тоже развивался в соответствии с его, Леденцова, пожеланиями. Красный диплом местного филфака открывал перед Емельяном (ещё не Павловичем, но уже не Емелей) двери всех средних школ — с перспективой скорого директорства. Однако он решил по-своему: стал первым в области психоаналитиком. Книг по этой невнятной сфере деятельности Леденцов прочитал немало, просмотрел несколько фильмов и уяснил, что работа вполне ему по плечу. Требовалось только сидеть в мягком кресле и участливо кивать пациенту, который лежит на кушетке и рассказывает, что он интересного видел в детстве, когда мама принимала душ. Карьера местечкового Фрейда была краткой, но максимально успешной. У Леденцова был всего один клиент, Боря Петров, который позвонил и потребовал явиться к нему в офис.

Они пять минут поговорили о семейных проблемах клиента, три — о проблемах с подчинёнными, восемь — об идиотизме партнёров по бизнесу.

— Сейчас придёт один, — скривился Боря, — я ему «Макинтоши» хочу втюхнуть, а он упирается. Я ему говорю: «Сейчас только бараны на “ПиСи” работают, у которых мозгов нет», а он... Задолбался я уже его «лечить», не могу больше!

Словом, Емельян вызвался провести переговоры самостоятельно и через час принёс Петрову (который нервно пил коньяк в соседнем кабинете) подписанный контракт.

— Так здесь же ни одного «Мака»! — обиделся Боря, изучив договор. — Одни «писюки»!

— По ценам «Макинтошей», — и Леденцов показал приложение к контракту.

В свой офис психоаналитика он вернулся только затем, чтобы забрать вещи и расторгнуть договор аренды. Переговоры он вёл очень успешно: Емельян Павлович насчитал три десятка договоров, в которых норма прибыли зашкаливала за 1000 %. Одной из самых удачных была сделка с бывшим клиентом и нанимателем Борей. Благодаря ей Леденцов стал единоличным владельцем и директором фирмы «Мулитан».

Всего один раз «Мулитан» оказался в сложной ситуации — в начале 1998 года два городских банка решили монополизировать торговлю компьютерами и оргтехникой. Подкармливая дочернее шарашкино ООО кредитами, банкиры едва не выдавили Леденцова с рынка. Честно сказать, уже и выдавили. Емельян Павлович распродал остатки, перевёл все средства в наличные доллары и объявил подчинённым, что с сентября фирма прекращает существование.

Подчинённые получили неплохое выходное пособие и разъехались в последний отпуск — в основном на дачи. Леденцов отдыхал тоже скромно, в Болгарии. Там же он и встретил 18 августа. По возвращении он обнаружил, что банки раздавлены дефолтом, конкуренты не знают, куда и как продать товарные запасы, а «Мулитан» — единственная контора, не потерявшая ничего при кризисе.

Покончив с недавним прошлым, Леденцов попытался выудить что-нибудь из детства. Попадались всякие

мелочи: выигрыш в «Спортлото»; новые джинсы; спортивно-олимпийские достижения.

Емельян Павлович окинул взглядом список и довольно хмыкнул. Похоже, жизнь проходила под его диктовку. Правда, он никогда ничего особенного не требовал от неё. Боялся. После случая с пирсом и... с Андрюхой Мартовым. В день похорон Мартова ему впервые стало по-настоящему страшно.

Покончив с историей, Емельян Павлович приступил к инспекции настоящего. Леденцов даже решил поставить эксперимент.

Он уединился в кабинете, сосредоточился и принялся мысленно заклинать: «Ольга! Войди! Войди, Ольга!». Ничего не получилось. Секретарша, как и предположил Иван Иванович, была вышколена, как хороший джинн, и появлялась у начальника только после прямого приказа. «Наверное, плохо сосредоточился, — решил Леденцов, — пейзаж отвлекает. И воробьи разгалделись. Солнышко жарит. Вот бы сейчас пива!».

Ради такого дела он прошёлся по офису. Обычно Емельян Павлович не надоедал подчинённым своим присутствием, а делами заправлял с помощью двух заклинаний: «Всё будет хорошо» и «Деньги не проблема». Когда кто-нибудь из персонала прибегал к нему с неотложным делом, Леденцов кивал и использовал первое заклинание. Если человек не успокаивался и начинал рассказывать об убытках — применял второе.

Для начала Емельян Павлович двинулся в бухгалтерию. Там стоял холодильник, который его сотрудники использовали для хранения всякой обеденной снеди. Пива там, конечно же, быть не могло, но вполне сгодилась бы и холодненькая минералка.

Пиво — местное «Жигулёвское», в запотевших бутылках — красовалось на верхней полке. Емельян Павлович огляделся в поисках хозяина. Представительницы слабого бухгалтерского пола отпадали. Пиво могло принадлежать только системному администратору Володьке, притаившемуся в углу за огромным монитором. Тем не менее, Леденцов обратился ко всем:

— Дамы и господин! Чьё пиво?

Бухгалтерши не отреагировали. Володька сделал честные глаза.

— Ругать не буду, — пообещал Леденцов, — только отхлебну. Потом верну, хорошо?

Сисадмин засопел и... вытащил (как показалось директору, из компьютера) банку «Будвайзера».

— Тут почти ничего не осталось, — сказал он и потряс банкой.

— А можно, я холодненькое возьму? Тут две бутылки.

Володька мигом оказался рядом с холодильником. Раньше Емельян Павлович не замечал такой прыти в его долговязой фигуре. Разве что во время ежедневного сеанса игры в «Контрстрайк».

— Это не моё, — протянул сисадмин, — я такое не пью. Кстати, нужно видеокарту поменять, а то «Эксель» глючит.

Леденцов не поленился, лично обошёл все подразделения. Пиво обнаружилось у двух менеджеров, но не «Жигулёвское», а исключительно импортное. Менеджеры хором утверждали, что купили его для употребления в домашних условиях.

— Урежу я вам процент, — сказал Емельян Павлович, — слишком много заколачиваете: иностранного производителя поддерживаете, а местным «Жигулёвским» брезгуете!

В конце концов, он пришёл к тому, с чего нужно было начинать, — обратился к Ольге. Секретарша, хоть и сидела в приёмной, знала о перемещениях всех сотрудников и даже о состоянии их физического и духовного здоровья.

— Пиво? Бутылочное? Сегодня никто не приносил.

— А вчера, значит, приносили?

Оля преданно заморгала.

— Распустил я вас, — сказал Леденцов. — Я вас распустил, я вас и запущу.

Секретарша слышала эту шутку раз десять, поэтому не хихикнула, а только улыбнулась.

— И вот ещё что, — директор повертел в руках бутылку, доставленную на опознание, — у вас сохранилась визитка Ивана Ивановича? Ну, того сумасшедшего, который предостерегал вас от беременности?

— А зачем вам?

— За пиво хочу поблагодарить.

«Зря я себе всяких глупостей нафантазировала, — Катенька злилась на себя без нужной экспрессии, — мужчина моей мечты... рыцарь на белом коне... богатый джентльмен...».

Злиться было уже поздно. По всем мелким приметам выходило, что доживает она в неге и довольстве последние денёчки. Да и чёрт с ним, с довольством! Она готова была жить безо всякого довольства, зато с Палычем!

За окном шёл дождь. Он не падал, а существовал. Заполнял собой всё пространство. Дождём стали воздух вообще и небо в частности. Ещё утром жарило, как в фирменном вагоне, даже парило, но к вечеру вместо очищающего весеннего ливня повисла гиблая осенняя изморось. А может, и утром было мерзко и мокро, просто она не помнит? Катенька на всякий случай скосила глаз на настенный календарь — вдруг ей только показалось, что настала весна? Вдруг в этом году сразу после зимы запланирована осень? Календарь врал, что заканчивается март. Но у Катеньки лета уже не будет. Какое лето без солнца? А солнцем, Солнышком раньше была она. Палыч так называл её в минуты мягкой любовной усталости, когда она лежала возле него, взмокшего и глуповатого. И гладила его по редкой шерсти на груди. И целовала в ключицу. А он произносил тихо, с оттяжкой: «Со-о-о-олнышко...».

Катенька замотала головой и высморкалась. Пора было с этим кошмаром завязывать. Она ещё на восьмое марта всё поняла, когда он притащил в подарок безвкусную золотую цепочку. Если мужчина за год близости не понял, что его избранница предпочитает серебро, — это знак! Тогда она всё поняла, но решила не поверить. Закрыла глаза и придумала, что ей нравятся толстые золотые цепочки.

Но дальше пошло хуже...

Катенька поняла, что сейчас она снова пойдёт обновлять соль на ранах. Нужно чем-то себя отвлечь, например, убрать в комнате. Весь пол завален обрывками дорогого глянцевого журнала. Толстые страницы рвались неохотно, только по одной за раз — и это было удачно. Катенька смогла израсходовать всю накопленную ярость на один-единственный номер

«Космо».

Когда обрывки на полу заняли положенное им место в мешке для мусора, Катенька подняла глаза на стену. Ещё одну бумажку следовало бы сорвать и отправить в утиль, но она медлила. На бумажке были написаны четыре цифры: 38-02. Номер той чёртовой машины, который должен был определить судьбу Леденцова и Катеньки. Ей всё казалось, что есть способ свести эти цифры к общему знаменателю (или как оно там называется?). Ответ плавал где-то рядом, следовало выполнить всего одно действие — и круглое, помпезное 38 превратилось бы в маленькое тревожное 02.

Катенька не стала срывать листок. Она снова подошла к окну, прижалась к стеклу лбом, да так и стояла, уставившись в одну точку. Постепенно эта точка проступила сквозь серую мокроту. Она оказалась куполом строящейся церкви, вроде бы православной. Катенька не слишком в этом всем разбиралась, но сейчас вдруг обратилась к дырявому куполу с речью:

— Слушай, Бог, я никогда тебе ничего не говорила... Сделай для меня одну вещь. Нет, не возвращай мне Палыча. Всё равно уйдёт. Только сделай так, чтобы он сегодня вечером оказался у меня. Я его обниму крепко-крепко и не отпущу никуда. Он возьмёт себе отпуск на неделю, и всю неделю мы будем только вдвоём. Только неделю, ладно?

Довольно долго ничего не было слышно. Потом на дереве под окном мерзко, с бульканием каркнула ворона.

В квартире никого не было, но Катеньке стало стыдно и противно. Она отвернулась от окна и пошла мыть пол. «Не нужно было отгул брать, — подумала Катенька, — на работе как-то отвлекаешься».

Иван Иванович с живым интересом наблюдал, как солидный директор солидного предприятия господин Леденцов хвастает паранормальными способностями. Особенно Емельян Павлович упирал на пиво — видно, оно здорово впечатлило директора.

— Замечательно, — сказал Иван Иванович, — я так и думал.

— О чём? — насторожился Леденцов.

— Что процесс вас увлечёт. По психотипу вы иррационал: процесс важнее результата.

Емельян Павлович искоса посмотрел на человека, которого недавно считал сумасшедшим. И сомнения пока не развеялись.

— Не обижайтесь, — сказал Иван Иванович. — Это не недостаток. Наоборот, это даже хорошо, что вы не рационал. Не позволите ли списочек — полюбопытствовать?

Леденцов, все ещё недовольный тем, что его обозвали нерациональным (дураком, что ли?), протянул распечатку посетителю. Тот принялся читать и, как показалось, особенно тщательно штудировал страницы, посвящённые детским годам директора. «Про женщин я зря писал», — запоздало устыдился Леденцов и погрузился в кресло. Чтобы скоротать время, он попытался определить возраст Ивана Ивановича. Юношей или молодым человеком тот определённо не был. По стилю поведения, по старомодным выражениям он тянул на старика. Была в Иване Ивановиче выправка, но не военного человека, а сугубо штатского — как будто коллежского асессора перенесли на сто пятьдесят лет вперёд, переодели, переучили и заставили говорить по-новому. Вместе с тем не было в нём физических следов старческого разрушения: дряблости кожи, желтоватой седины, замедленности движений или хотя бы очков.

— Много интересного, — сказал Иван Иванович тоном человека, который надеялся найти гораздо больше, чем ему подсунули, — особенно из вашего младенчества и отрочества. Три рубля в траве разглядеть, да ещё в пять утра... Это подвиг.

Леденцов почувствовал себя глупо. «Чем я занимаюсь? — рассердился он на себя. — Зачем

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru